

Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 2. С. 234–240.

Philosophical Letters. Russian and European Dialogue. 2024. Vol. 7, no. 2. P. 234–240.

Научная статья / Original article

УДК 1(091)

doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-234-240

«БОЛЬНАЯ» ИЛИ «ВЕЛИКАЯ РОССИЯ»?

Рецензия на книгу: Мережковский Д. С. Собрание сочинений:
В 20 т. Т. 11. Грядущий Хам: Статьи и исследования 1900–1910 гг. /
подгот. текста, послесл., примеч., именной указат.
Е. А. Андрущенко. М.: Дмитрий Сечин, 2023. 1088 с.

Алексей Алексеевич Гапоненков

Саратовский национальный исследовательский
государственный университет имени Н. Г. Чернышевского,
г. Саратов, Россия, gaponenkova@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

Ссылка для цитирования: Гапоненков А. А. «Большая» или «Великая Россия»? // Философические письма. Русско-европейский диалог. 2024. Т. 7, № 2. С. 234–240. doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-234-240.

Academic Life. Reviews

“SICK” OR “GREAT RUSSIA”?

Review of the book: *Merezhkovsky D. S. Collected Works: In 20 vols. Vol. 11. The Coming Ham: Articles and Research 1900–1910 /prep. text, afterword, notes, name index E. A. Andrushchenko. Moscow: Dmitry Sechin, 2023. 1088 p.*

Alexey A. Gaponenkov

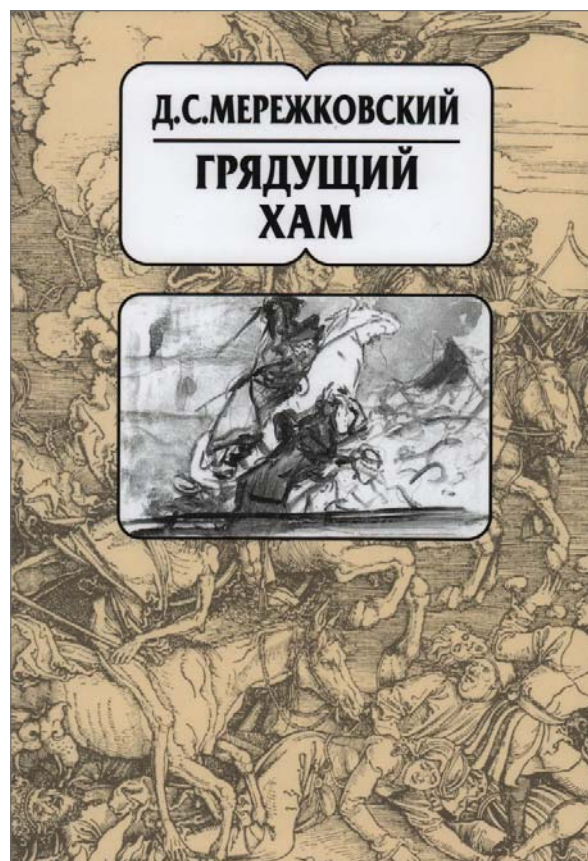
Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky,
Saratov, Russia, gaponenkova@sgu.ru,
<https://orcid.org/0000-0003-2177-1835>

For citation: Gaponenkov, A. A. (2024) “‘Sick’ or ‘Great Russia’?”, *Philosophical Letters. Russian and European Dialogue*, 7(2), pp. 234–240. (In Russ.).
doi:10.17323/2658-5413-2024-7-2-234-240.

Замысел издать новое собрание сочинений Д. С. Мережковского заслуживает всяческого одобрения и поощрения. В рецензируемом томе удалось собрать воедино его литературно-критические и публицистические работы с необходимыми комментариями и указателями, с идентификацией многочисленных цитат из Библии, русских и зарубежных классиков, писателей начала века, раскрытием персоналий. Принцип составителей в «распределении сборников статей по томам собрания сочинений» «без учета времени их первой публикации и очередности выхода в свет» (с. 745) в основном выдержан: совмещен жанрово-тематический принцип с хронологическим (с. 1012). В 11-й том вошли в полном объеме сборники «Не мир, но меч. К будущей критике христианства», «Грядущий Хам», «Большая Россия», «В тихом омуте». Надо заметить, что изданные в годы перестройки однотомники Мережковского («Акрополь», «В тихом омуте» и т. д.) собственно авторские сборники воспроизводили не полностью, с исключением многих текстов, особенно политических.

В раздел «Дополнения» рецензируемой книги вошли в хронологическом порядке 15 отдельных газетных статей писателя. В целом том 11 собрания сочинений, тщательно подготовленный Е. А. Андрущенко, давно и с энтузиазмом работающей с текстами Мережковского, вбирает почти все его статейное наследие за десять лет, первоначально изданное в журналах и газетах начала века. Перечислим их: «Русская Мысль», «Мир искусства», «Весы», «Вопросы Жизни», «Полярная Звезда», «Свобода и Культура», «Русское Слово», «Вестник иностранной литературы», «Образование», «Речь», «Русские ведомости», «Свободная мысль», «Слово», «Новый Путь», «Новое Время», «Последние новости»,

«Новая Русь». Причем подавляющее число важнейших публикаций текстов состоялось в журнале «Русская Мысль», в котором Мережковский был с 1908 по 1914 год ближайшим сотрудником, а в 1909 году — редактором беллетристического отдела, и в кадетской газете «Речь». «Исследованиями» в издании названы работы «Пророк русской революции (к юбилею Достоевского)», «Гоголь. Творчество, жизнь и религия», «М. Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества». В приложении к тому впервые собраны и напечатаны 18 писем Мережковского в редакции газет и журналов. Книга содержит солидную, насыщенную библиографическим материалом статью Е. А. Андрущенко «Исследования и статьи Д. С. Мережковского 1900–1910 гг. в движении идей». Справочный аппарат книги включает «Список сокращений», «Рукописные и печатные документы, впервые полностью или частично опубликованные и републикованные в настоящем томе», «Именной указатель».

Тематический спектр трудов Мережковского поражает широтой контекста, глубиной философско-религиозной мысли, образным, символическим стилем и полемическим пафосом, сарказмом. О работах писателя и мыслителя может с полным на то основанием говорить и историк философии, и культуролог, и литературовед, и религиовед. Мережковский духовно всеяден, прекрасно образован, поэтически талантлив, но как раз в области религии его построения вызывали наибольшую критику и непонимание, особенно со стороны ортодоксальных кругов церкви. Ведь именно догматы православного христианства (католического тоже!) он пытается расшатать, переосмыслить, переиначить, отбросить, заново создавая свою так называемую церковь «третьего завета». П. Б. Струве, один из главных оппонентов Мережковского, писал об этом в статье «Борьба за веру и борьба за догмат (несколько слов о Д. С. Мережковском)» (Русская Мысль. 1909. Кн. 1. Отд. 2): «Мережковский вводит новое понятие догмата, под которое ни один церковный догмат не подходит и которое есть отрицание церковной догматики в точном смысле. (...) При чем тут борьба за догмат, я не понимаю. Тут пока только борьба за веру. (...) Мережковскому нужна церковь» (с. 859).

Его «двоящиеся мысли», слишком резкие противопоставления также не прибавляют ему славы гармоничного и логически безупречного мыслителя. В самом начале века Мережковский выступает за «вселенское христианство», после 1905 года взгляды его можно охарактеризовать как «религиозный революционизм» (С. Л. Франк). В 1909 году З. Г. Гиппиус дописывает за автора, эсера Б. В. Савинкова, повесть «Конь Бледный», Мережковские публикуют это произведение в «Русской Мысли», и сам Дмитрий Сергеевич пишет об этой повести хвалебную рецензию: «Если бы спросили меня сейчас в Европе, какая книга

самая русская, и по какой можно судить о будущем России, после великих произведений Л. Толстого и Достоевского, я указал бы на “Коня Бледного”» (с. 294).

При всем тяготении к проблемам философии и религии, он все же остается поэтом-символистом, писателем и философствующим критиком, достигшим в этих сферах творчества наибольших высот, заново открыв русскому читателю «вечных спутников» человечества, Лермонтова — «поэта сверхчеловечества», Гоголя и его героя черта, «пророка русской революции» Достоевского, Грядущего Хама как нового символа эпохи, «последнего святого» — Серафима Саровского, Леонида Андреева — «в обезьяньих лапах»... Образные его сопоставления резки, с глубоким религиозно-философским смыслом, дихотомичны: «Чехов и Горький», «Иваныч и Глеб», «Сердце человеческое и сердце звериное», «Аракчеев и Фотий», «Пророчество и провокация», «Асфодели и ромашка», «Бес или бог?», «Лев Толстой и революция», «Интеллигенция и народ», «Балаган и трагедия». От постоянного религиозного сгущения, апокалиптического возбуждения и теократических устремлений читатель может и устать. Недаром еще в предреволюционные годы возникло обидное словцо «мережковщина» для эпигонов Мережковского, подразумевающее «игру в религию» (А. П. Чехов). А истинно верующие православные отшатнулись от него, чего стоит его характеристика русского гениального святого Серафима Саровского.

Ирония Мережковского доходит до ядовитого сарказма: «Желтолицы позитивисты», «Головка виснет», «Семь смиренных», «К соблазну малых сих», «Душа Сахара», «Свинья матушка», «Земля во рту», «Красная шапочка», «Мистические хулиганы», «О гигантах и пигмеях». В нападках на «веховцев» он поразительно несправедлив. Но это объясняется его пониманием интеллигенции как революционирующей силы и средства борьбы с «царством Зверя» — российской монархией.

Центральная общественно-политическая полемика в 11-м томе — между Мережковским и П. Б. Струве. Это спор об интеллигенции и революции, Великой России, православной церкви, «Вехах» и т. д. Данную дискуссию за много лет можно обозначить ключевыми заглавными символами их работ: сборник Мережковского назывался «Большая Россия» (СПб.: Общественная польза, 1910), программная статья-манифест Струве — «Великая Россия. Из размышлений о проблеме русского могущества» (Русская Мысль. 1908. Кн. 1. Отд. 2). Читатель того времени хорошо знал, кто провозгласил лозунг, «формулу» Великой России с трибуны Государственной думы. Это был председатель Совета министров России П. А. Столыпин, с которым Струве встречался и которого неожиданно для многих кадетов поддержал. Совершенно определенно выражено негативное отношение к политике Столыпина со стороны Мережковского: «Третья

Дума и министерство Столыпина как предмет веры, как мистика — ведь это курам на смех; это анекдотичнее всякого “апокалипсического анекдота”. Уж не лучше ли добрый старый порядок?» (с. 339). У Мережковского свои формулы «революционизма»: «Кто и что заставит сейчас русскую государственность, погрязшую в реакции, сделаться революционной? Формула “Великая Россия”, звучащая не только для Струве, но и для Столыпина, как лозунг революционный, — не только Струве, но и Столыпин революционер, — это невообразимо. Превратить реакцию в революцию сверху — такое же чудо, как превратить камни в хлебы, змею — в рыбу. Революция без революции, пожар без огня, потоп без воды» (с. 548). А кто же настоящий образ революционера для супругов Мережковских, принявший их этику насилия? Это Б. В. Савинков, руководитель боевой организации партии эсеров. Прототипом героя «Коня Бледного» был Каляев, убивший великого князя Сергея Александровича.

Вопросы, которые поднимал Мережковский, религиозно-философские, провидческие. Но ответы на них у мыслителя и писателя неправославные и даже нехристианские. Отношение к России сложное, совсем не патриотическое, больше апокалиптическое: «Мы надеемся не на государственное благополучие и долгоденствие, а на величайшие бедствия, может быть, гибель России, как самостоятельного политического тела, и на ее воскресение, как члена вселенской Церкви, Теократии» (с. 282). Струве считал такие воззрения «банальным радикализмом». Мережковский становится радикалом-антигосударственником, как бы он ни оправдывался в статье «Красная шапочка»: «Я люблю свободу больше, чем родину: ведь у рабов нет родины; и если быть русским значит быть рабом, то я не хочу быть русским; и если в такой любви к свободе вплоть до возможного отречения от родины состоит “банальный радикализм”, — я хочу быть банальным» (с. 545).

Оба Петра — Столыпин и Струве — за государство, сильное и мощное, империалистическое, с сохранением прав отдельной личности. Струве доказывал, что либерал может иметь «национальное лицо», быть государственным. Мережковский же сомневался: «Ежели мера народа — государственность, то можно бы отчаяться в России: она всегда выказывала, и теперь больше, чем когда-либо, поразительную бездарность в творчестве государственных форм» (с. 281). И это об империи, которая смогла присоединить огромные территории, сохранив национальные формы жизни многих народов внутри своего тела.

Даже умиривший с запиской от Николая I Пушкин в своем верноподданничестве кажется Мережковскому реакционером: «Царю Пушкин покорнее, чем Богу. Вот глубина русской реакции — не политическая, не эмпирическая, не здешняя — трансцендентная» (с. 328). Мало того, «последняя сущность Рос-

сии — религиозная воля к реакции» (с. 328). Достоевского, творца идеи народа-богоносца, Мережковский подозревает в безбожии: «Мнимое Богочеловечество, “народобожество”, так же как и подлинное человекобожество, есть неизбежный путь к безбожию» (с. 264). Народ превратился в Зверя, Антихриста, как и самодержавие. Следствием его Мережковский провозгласил «великую русскую религиозную революцию» (с. 278). Нелицеприятны его слова о русском народе, первичности свободы перед родиной.

Мережковский — признанный публицист и культурный писатель, мифологизируя интеллигенцию в «религиозную общественность», потерпел настоящее «медийное», как сказали бы сейчас, поражение, нападавая на авторов сборника «Вехи». Надо отдать должное Е. А. Андрущенко, что она объективно подчеркнула этот факт: «Не случайно статья “Семь смиренных”, непосредственно посвященная этой книге, получилась такой беспомощной. Прежняя ясность, аргументированность, точность в выражениях сменились игрой цитат, умствованиями, какой-то высокомерной отстраненностью от предмета полемики» (с. 1043). Напомним едкий сарказм Мережковского: под «семью смиренными» подразумевались семь членов Священного Синода, которые отлучили Л. Н. Толстого от православия. Но даже это не придало полемической статье убедительный пафос. «Вехи» разоблачали антигосударственную и антирелигиозную сущность русской интеллигенции, сама пропаганда идеи «религиозной общественности» («бессознательной религиозности») стала немислимой.

Крайне негативно сегодня воспринимается малоизвестная газетная статья Мережковского «Любовь к родине» (Русское Слово. 23 июня 1910. № 142), опубликованная в данном томе. В своем «банальном радикализме» с «гневом, ревнивым и неуклонным» (с. 714) Мережковский напоминает Ленина и большевиков, от которых он бежал через Варшаву в свою парижскую квартиру. Сначала отвержение того, что дорого сердцу всякого русского: «Любить *теперь* Россию так, как ее любят современные “благородные” сыны ее, с умилением перед березками, перед “святостью долготерпенья” русского “народушки”, вспоминая кстати, что “всю от края и до края исходил, благословляя”, — это значит, в конце концов, любить свое брюхо и собственный “спокой”: это значит — найти красивенькое, родное и благородное оправдание своей безответственности, потакать своим природным склонностям и слабостям под личиной подвига» (с. 710). Насмешка над строками Тютчева о религиозности русского народа!

И рядом с этим предчувствие «смерти России»: «И вот, восхищенное преклонение перед свойствами России, которые должны привести ее к смерти, кажется мне не любовью к родине, а преступлением против родины, как преступлением и против самого себя» (с. 711). Мережковский не был бы самим собой,

если не привел бы очередную «двоящуюся мысль»: «Под изношенной одеждой пресловутого русского смирения скрывается безумная гордыня» (с. 714). Преклониться перед «великими страданиями» русского народа он не хочет и не может.

Мною замечены отдельные неточности в работе составителя и комментатора. В библиографических описаниях не отмечаются отделы журналов. Нет упоминания о публикации повести В. Ропшина (Б. Савинков) «Конь Бледный» в журнале «Русская Мысль». Заглавие статьи «Грядущий Хам» появилось впервые в двухнедельном журнале «Полярная Звезда», который редактировал Струве (Полярная Звезда. 30 декабря 1905. № 3. С. 185–192). Номер журнала отмечен комментатором, но под заглавием «Китай в Европе» (с. 780). Важно то, что статья «Грядущий Хам» идет в «Полярной Звезде» вслед за публикацией «Очерков по философии культуры» П. Струве и С. Франка. Как недоразумение выглядит неожиданное приписывание заглавия веховской статьи С. Н. Булгакова «Героизм и подвижничество» перу П. Б. Струве (см. с. 1046).

Информация об авторе: Алексей Алексеевич Гапоненков — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского». Адрес: Российская Федерация, 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, д. 83.

Information about the author: Alexey A. Gaponenkov — DSc in Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature at the Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky. Address: 83 Astrakhanskaya Str., Saratov, 410012, Russian Federation.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.05.2024;
одобрена после рецензирования 01.06.2024;
принята к публикации 10.06.2024.

The article was submitted 10.05.2024;
approved after reviewing 01.06.2024;
accepted for publication 10.06.2024.